

Уже со второй половины III в. здесь постепенно развивается крупное землевладение в результате наделения земельными участками жителей провинции, достигших высоких постов на гражданской и особенно военной службе²⁸. Однако особенно ускоряется этот процесс в связи с превращением захудалого фракийского городка Византия в столицу империи — Константинополь, население которого уже через несколько десятилетий исчислялось сотнями тысяч жителей. Огромный город преобразовывал экономическую и политическую жизнь провинции. Константинопольская знать жадно тянулась к лежавшим неподалеку от новой столицы землям, которые им весьма охотно раздавали императоры. Закабаление фракийского крестьянства резко усилилось, так как свободное крестьянство быстро разорялось под бременем налогов. Письмо Юлиана к фракийцам показывает, что за свободным населением провинции задолго до начала его правления накопились большие недоимки по податям, которые были разложены на последующие годы и взимались сверх суммы обычного налога. Незадолго до восстания Прокопия, в 362 г., фракийцы, доведенные до отчаяния невыносимыми поборами, обратились к Юлиану с просьбой освободить их от выплаты задолженности хотя бы за этот год. По-видимому, учитывая действительно крайне тяжелое положение провинции, Юлиан освободил их от уплаты половины задолженности за 362 год²⁹. Во второй половине IV в. многие свободные колонны начинают переходить на положение адскриптициев. Относящийся к 377 г. эдикт Валента свидетельствует уже о значительном распространении этой категории зависимого населения во Фракии³⁰.

Фракийское крестьянство (*agrestes*) упорно отстаивало свою свободу, находя поддержку среди поселенных на границах империи готов-федератов, а близость свободной варварской периферии позволяла им рассчитывать и на поддержку варваров из-за рубежа.

Борьба фракийского крестьянства сливалась с выступлениями многочисленных прикрепленных к своему тяглу ремесленников, государственных рабов, работавших в принадлежавших фиску крупных мастерских, осужденных, трудившихся в рудниках и копиях. В связи с превращением Константинополя в экономический и политический центр империи и возросшим военным значением Фракии государство чрезвычайно энергично развивает здесь горные промыслы, добычу и обработку металлов, организует многочисленные государственные мастерские. В балканских районах, например, было сосредоточено 40% всего оружейного производства — 6 из 15 известных в империи крупных оружейных мастерских³¹. Нет нужды приводить данные о постоянном недовольстве государственных ремесленников и работников на рудниках: об этом достаточно убедительно свидетельствуют уже обилие эдиктов об их бегстве и высокие штрафы за укрывательство. Один из таких эдиктов, предписывающий усилить борьбу с бегством металлургов, был издан как раз незадолго до восстания Прокопия³².

Царившее во Фракии недовольство усиливалось грабительством хозяйничавшего в провинции и в Константинополе Петрония, тестя императора Валента. По словам Аммиана Марцеллина, «он сгорал желанием обобрать всех без разбора до нитки, присуждал виновных и невинных после утон-

²⁸ См. рецензию Е. М. Штаерман на M. Pallas e. *Orient et Occident. A propos du colonat romain au Bas-Empire*. Lyon, 1950. BB, VII, 1953, стр. 327.

²⁹ Julian., Ep., 73, p. 428 C—D.

³⁰ Cod. Just., XII, 39, 2.

³¹ Велизар Велков. Селото и градът в Тракия и Дакия през IV—V в. от н. е. ИП, № 4, 1955, стр. 36—37.

³² Cod. Theod., X, 19, 5.